

да четыре некрещеныхъ. За то ее прощаю, что больше некрещенаго народа проглотила. Подъѣзжай къ ней и скажи ей, что я ее прощаю пусть идетъ куда хочетъ. Онъ подъѣхалъ и говоритъ ей: тотъ старичокъ тебя прощаетъ и я тебя прощаю, ступай куды хочешь. Въ ту пору вода захлестнула ту рыбу, она и ушла. Пріѣзжаетъ онъ домой, отецъ его встрѣчаетъ и говоритъ ему: гдѣ ты былъ?—Вотъ, батюшка, гдѣ былъ, вотъ она борода-то твоя! Тамъ теперь стоитъ бочка, на бочкѣ корецъ, всей сказки конецъ.

XXVIII.

ИВАНУШКА ШУТНИЧОКЪ И ВИОЛЕЕНА БОГАТЫРША.

Жилъ былъ купецъ. У него было три сына, два умныхъ, а третій дуракъ. Были они богатыри. Отецъ и говоритъ: дѣти мои умные, въ этакое-то мѣсто есть Виолеена богатырша, у ней въ саду есть живая и мертвая вода и молодежавыя яблоки. Ежели бы вы мнѣ достали, я бы вамъ дорого заплатилъ. Братья и стали себѣ выбирать коней.—Выбрали и поѣхали. Подъѣзжаютъ они туда, къ тому саду; около того саду ограда на двѣнадцать сажень вышины и струнами обтянута, за струны лѣвы привязаны. Пріѣхали они туда и стали спрашивать: что, нельзя намъ достать живой и мертвой воды и молодежавыхъ яблокъ? — Эхъ, братцы, гдѣ-жъ вамъ!

Тутъ не такіе-то были хитрецы и всякіе волшебники и то не достали. Они постояли-постояли такъ и поѣхали назадъ. Ъздили съ годъ, прїѣзжаютъ они домой. Отецъ ихъ встрѣчаетъ и говоритъ: что, дѣти мои, привезли или нѣтъ?—Эхъ, батюшка, тамъ всякіе были хитрецы и волшебники, и то не достали, а гдѣ-жъ намъ тамъ достать. А дуракъ сидитъ за трубой и говоритъ: батюшка, дай „ поѣду. Отецъ и говоритъ: гдѣ-жъ тебѣ дураку.—Такъ ему и благословенія не далъ.—Дѣти мои, дайте ему лошадь какую-нибудь, что ни есть хуже.—Братъя ему выбрали трехногую. Онъ сѣлъ на нее верхомъ, назадъ передомъ и поѣхалъ, взялъ хвостъ въ зубы, ладонью погоняетъ. Отѣхалъ съ версту, тамъ лошадь спотыкнулась и упала. Онъ взялъ ее за хвостъ и содралъ съ нее шкуру и гаркнулъ: эй галки, вороны, собирайтесь клевать, поминайте меня. Самъ накрылся шкурою, да пошолъ.

Приходитъ въ лѣсъ, въ лѣсу избушка, въ избушкѣ старушка. Онъ входитъ въ ту избу и говоритъ: здравствуй, бабка, красная шапка! Она осерчала на него. Онъ и говоритъ ей: ты не серчай на меня, я, говоритъ, такъ шутничокъ, — Иванушка дурачокъ. Нельзя ли мнѣ такъ и такъ доѣхать до такого-то мѣста?—Отчего же не можешь, я тебѣ добра хочу и разуму научу. — У ней въ такомъ-то мѣстѣ въ горѣ въ подвалѣ, стоитъ конь за двѣнадцатю чугунными дверями. запертъ нѣмецкими замками. Тотъ дурачокъ сдѣлалъ ломочикъ и пошолъ къ тому мѣсту. Гаркнулъ громкимъ голосомъ, богатырскимъ посвистомъ — конь взорвался, началъ двери бить и колотить. Дурачокъ началъ ломать

ломомъ; не столько самъ переломалъ, сколько конь переколотилъ и палъ прямо ему на грудь. Дурачокъ и говоритъ: стой, собачье мясо: кому на тебѣ ѣздить, что не мнѣ доброму молодцу! Сейчасъ осѣдлалъ того коня, одѣлся въ богатырскую одежду, взялъ богатырское оружіе и поѣхалъ. Подъѣзжаетъ къ той старухѣ и благодарить ее. Она и говоритъ ему: завези мнѣ яблочка. Дала ему гребеночку, онъ поклонился и поѣхалъ.

Ѣхалъ-Ѣхалъ, стоитъ еще избушка, въ избушкѣ старушка. Онъ входитъ въ ту избушку и говоритъ: здравствуй, бабушка! Отвѣчаетъ: здорово! И спрашиваетъ онъ: что, бабушка, нельзя ли мнѣ такъ и такъ доѣхать до этакого-то мѣста?—Отчего же, ты можешь, вотъ тебѣ на щеточку, а ты завези мнѣ яблочка. Поѣхалъ еще дальше.

Ѣхалъ-Ѣхалъ, стоитъ еще избушка, въ избушкѣ старушка. Онъ входитъ въ ту избушку и говоритъ: здравствуй, бабушка!—Здорово. Нельзя ли мнѣ такъ и такъ доѣхать до этакого-то мѣста?—Отчего же, ты можешь, вотъ тебѣ платочекъ, а ты завези мнѣ яблочка.—Хорошо, завезу.

Ѣхалъ-Ѣхалъ, пріѣхалъ туды въ самую полночь, всѣ птички пріумолкли и львы заснули. Онъ и говоритъ коню: что конь перевезешь или пѣть?—Держись крѣпче, Иванушка шутничокъ! Конь махнулъ и пересигнулъ чрезъ ту ограду. И ходилъ онъ по тому саду, навалъ яблокъ, почерпнулъ воды и хотѣлъ было, ѣхать и одумался. Что-жъ я ѣду все равно по воровски. — И пошелъ онъ въ палаты. А тамъ Виолеена богатырша спитъ крѣпкимъ сномъ. И написалъ записку: «тутъ былъ шутничокъ, Ива-

нушка дурачокъ , квасъ пилъ , а квасницу не накрылъ.» И пошолъ вонъ изъ палатъ , подходитъ къ коню и говоритъ : что конь перевезешь или нѣтъ? Конь и говоритъ : нѣтъ. Какъ же быть-то?—Поди, говоритъ , обмойся.—Онъ сходилъ обмылся.—Поди въ другой.—Въ другой обмылся.—Ну ужъ поди въ третій.—И въ третій обмылся. Подходитъ къ коню и говоритъ : что конь перевезешь или нѣтъ? Ну, сядись! Конь махнулъ , да копытомъ зацѣпилъ за струны. Струны заревѣли , львы забрежали , ее молотомъ начало бить въ голову. Вдругъ Виолеена богатырша просыпается , сѣла на своего коня и поѣхала его догонять.

Тотъ дурачокъ подъѣзжаетъ къ избушкѣ и говоритъ : здравствуй , бабушка , на вотъ тебѣ яблочко , нельзя ли баньку истопить? Та старуха сѣла яблоко , стала молодая и говоритъ ему : ты , говоритъ , утекай поскорѣй , за тобой гонять въ погоню. Только отѣхать успѣлъ отъ избы , богатырша и нагоняетъ его. Бросилъ ту гребенку , какую ему старуха дала.—Сдѣлался частый лѣсъ : ни пройтить , ни проѣхать. Покудова она раздерегала тотъ лѣсъ , онъ къ другой избѣ уѣхалъ. Входитъ въ ту избу и говоритъ : здравствуй , бабушка . На вотъ тебѣ яблочко , нельзя ли баньку истопить? Она сѣла то яблоко , стала молодая и говоритъ ему : ты уѣзжай поскорѣй , за тобой гонять въ погоню. Онъ только успѣлъ отѣхать отъ избы , богатырша его нагоняетъ. Онъ бросилъ ту щеточку , которую ему старуха дала—сдѣлалась трясина. Какъ конь ни прыгнетъ , такъ по уши утопнетъ. Покудова она перевела коня , онъ къ третьей избѣ уѣхалъ. Входитъ въ ту избу и го-

ворить: здравствуй, бабушка! На вотъ тебѣ яблочко. Старуха съѣла то яблочко, стала молодая. Онъ и поѣхалъ еще дальше. Только пріѣзжаетъ на свою границу, богатырша его нагоняетъ. Онъ махнулъ тѣмъ платкомъ, который ему старуха дала—сдѣлалась рѣка. Онъ по тотъ бокъ рѣки, она по другой—и кричитъ ему: по тѣхъ поръ жди, покуда я человѣка съ письмомъ пришлю, тогда пріѣзжай ко мнѣ.—Она поѣхала назадъ.—А онъ легъ отдохнуть на томъ берегу и заснулъ. Братья и идутъ его встрѣчать, нашли его соннаго, взяли его да зарѣзали, все обобрали у него; приносятъ къ отцу. Отецъ и говоритъ имъ: ахъ, дѣти мои, какъ вы скоро сходили. Отецъ съѣлъ тѣхъ яблокъ и сталъ молодой.

Тотъ дуракъ по тѣхъ поръ лежалъ, покуда богатырша прислала человѣка съ письмомъ. Тотъ человѣкъ подошелъ къ нему, посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, и пошелъ назадъ. Приходитъ и рассказываетъ ей, что онъ зарѣзанъ. Виолеена богатырша взяла живой и мертвой воды и поѣхала къ нему. Пріѣзжаетъ къ нему, облила его мертвой водой, онъ сталъ сохраненъ; облила живой, онъ и всталъ и говоритъ: ахъ, я какъ долго спалъ! Она и говоритъ ему: ну, поѣдемъ къ твоему отцу. Пріѣзжаютъ въ домъ къ отцу, она и говоритъ братьямъ: па что-жъ вы обобрали его, вѣдь не вы достали. Они и говорятъ: вишь, мы. Она и говоритъ: какъ стерпишь съ моего щелчка, такъ—ты.—Ударила она одного брата щелчкомъ и ушибла до смерти. Дуракъ другога ударилъ, и этого ушибъ. И поѣхали они домой.

Пріѣзжаютъ они въ тотъ садъ и живутъ тамъ.

годъ и два.—Она увѣрилась въ немъ, дала ему ключи: вездѣ, говоритъ, ходи—гляди, только въ одинъ сарай не гляди. Онъ вездѣ глядѣлъ и слышалъ шумъ за оградой. Приходитъ и рассказываетъ ей: что у насъ за оградой шумъ, дай я поѣду, побью тамъ ихъ. — Нѣтъ, ты оставайся дома, я сама поѣду. Поѣхала она. Онъ и говоритъ: что-жъ она не велѣла мнѣ въ сарай посмотреть, дай посмотрю. Посмотрѣлъ, тамъ виситъ змѣй на двѣнадцати цѣпяхъ. Тотъ змѣй и говоритъ ему: Иванушка-шутничокъ, дай мнѣ напиться, я тутъ съ голоду умираю. Онъ взялъ ведро, почерпнулъ и далъ ему напиться. Выпилъ.—Дай, говоритъ, еще.—Еще выпилъ.—Дай ужъ еще.—И это выпилъ. Тряхнулся, всѣ цѣпи перервалъ и полетѣлъ. Виолеена богатырша побилла народъ и ѣдетъ назадъ. Змѣй ее схватилъ съ коня и улетѣлъ съ ней.

Тотъ дурачокъ жилъ и годъ и два—скучно стало ему, поѣхалъ ее розыскивать. Ъхалъ онъ и попался на него ракъ морской. Онъ и хочетъ его убить. Онъ и говоритъ ему: Иванушка-шутничокъ, — не бей меня, я тебѣ пригожуся. Онъ не сталъ его бить. — Ъхалъ-ѣхалъ и нашолъ гдѣ змѣй живетъ, выждалъ время — змѣй улетѣлъ. Пришолъ онъ въ змѣиный домъ, богатырша заперта за желѣзными рѣшотками. Онъ тѣ рѣшотки изломалъ, взялъ ее и поѣхалъ. Змѣй прилетаетъ — нѣту. Сѣлъ на своего коня, (а змѣиные кони летаютъ подъ облака) взвился онъ подъ облака и чуть-чуть видно ихъ.—О, это я скоро догоню. — Догоняетъ ихъ и говоритъ: ну, Иванушка-шутничокъ, за то я тебя прощаю, что ты далъ мнѣ напиться, а ежели ты въ другой разъ

пріѣдешь, тебѣ не то будетъ. Взялъ ту богатыршу и уѣхалъ.

Дурачокъ остался одинъ, пожилъ-пожилъ, опять скутилось и поѣхалъ опять за ней. Ъхалъ онъ, напался на него рой пчелъ, онъ снялъ съ себя рубаху, намочилъ ее и хочетъ погубить ихъ. Матка и говоритъ: Иванушка-шутничокъ, не губи, я тебѣ на время гожусь. — Онъ не сталъ ихъ губить. Пріѣзжаетъ къ змѣю, змѣй улетѣлъ. Онъ взялъ богатыршу и поѣхалъ. Змѣй прилетаетъ — ее нѣту, — сѣлъ на своего коня, взвился кверху и нагоняетъ ихъ. — А, Иванушка-шутничокъ, я тебѣ разъ простилъ, другой прошу за то, что ты меня напоилъ. Вотъ дурачокъ пожилъ-пожилъ и поѣхалъ опять за богатыршей. Напался на него левъ. Онъ и хочетъ льва убить. Левъ и говоритъ: Иванушка-шутничокъ не убивай меня, я тебѣ на время гожусь. — Онъ не сталъ его бить. Пріѣзжаетъ къ змѣю — змѣй улетѣлъ. Онъ взялъ богатыршу и поѣхалъ. И говоритъ ей: если змѣй догонитъ насъ, ты спроси у него, гдѣ онъ такихъ коней беретъ. — Змѣй догналъ ихъ, взялъ богатыршу, а Иванушку посадилъ въ бочку да на море пустилъ. А богатыршу взялъ и поѣхалъ.

Та богатырша стала змѣя искать и спросила у него, гдѣ онъ коней беретъ такихъ. Онъ ей и сказалъ: я беру коней у булапой бабы, у которой изба огорожена кольями, на всякомъ колу по человѣчьей головѣ, а на одномъ колу нѣту, быть Иванушкѣ тамъ. Иванушку ракъ морской взялъ вытащилъ на берегъ проломалъ бочку клещами. Тотъ дурачокъ и пошелъ опять къ своей богатыршѣ, выждалъ вре-

мя—змѣй улетѣлъ. Онъ приходитъ и спрашиваетъ, что гдѣ онъ такихъ коней беретъ? Она ему и говоритъ: онъ беретъ коней у буланой бабы, которой изба огорожена кольями, на всякомъ колу по человѣчьей головѣ, а на одномъ колу нѣту; быть, говорятъ, тебѣ тамъ. Пошолъ Иванушка къ той бабѣ, приходитъ. У ней пзушка стоитъ на куриныхъ лапкахъ, на веретенныхъ пяткахъ. Вошолъ онъ въ ту пзушку. Она лежитъ на печи, носъ въ потолокъ вросъ, а ноги подъ лавкой. Онъ и говоритъ ей: я пришолъ къ вамъ попросить лошадки. Она и говоритъ ему: есть у меня двѣнадцать кобылъ, тринадцатый жеребенокъ. Если ты ихъ до трехъ дней устережешь, то дамъ тебѣ. Погналъ онъ ихъ степечъ; только сгоняетъ со двора, онѣ взвились подъ облака и улетѣли. Онъ и сидитъ на своемъ коню, плачетъ: «какъ мнѣ быть.» Прилетаетъ къ нему пчелная матка и левъ приходитъ и спрашиваютъ его: объ чомъ Иванушка-шутничокъ плачешь? не плачь, мы пойдемъ, пригонимъ. — Пчелы набрали мухъ, комаровъ, всякихъ козявокъ, а левъ набралъ всякихъ звѣрей и пошли искать ихъ; нашли ихъ. Пчелы и комары начали ихъ жиять, онѣ не знаютъ, куда дѣться и летятъ домой. Иванушка-шутничокъ сѣлъ на своего коня и будто бы ихъ гонитъ. И на другой день все тоже и на третій все тоже. Та баба и говоритъ ему: ну, выбирай коня. Онъ и говоритъ: дай мнѣ отдохнуть. — Остался почевать. У той бабы была служанка Кашкара. Онъ подошолъ къ той служанкѣ и говоритъ ей: что, какого мнѣ коня выбрать? Она и говоритъ ему: она этихъ завтра всѣхъ двѣнадцать кобылъ поставитъ

въ рядокъ , а тринадцатаго жеребенка поставитъ назади, ты у ней проси того жеребенка, ей хоть и жалко будетъ, ну да она тебѣ отдастъ его. — Переночевалъ онъ ночь. Наранѣ она поставила всѣ двѣнадцать кобылъ въ рядокъ, а тринадцатаго жеребенка позади и говоритъ ему: ну, выбирай. Онъ обошолъ ихъ кругомъ и указалъ на того жеребенка: дай, говоритъ, мнѣ вотъ эту. Нѣтъ, не дамъ. Жалась-жалась, да отдала. Онъ сѣлъ на того жеребенка и поѣхалъ. Тотъ жеребенокъ и говоритъ ему: Иванушка-шутничокъ, я теперь не могу подъ тобой ѣздить, а пусти меня на двѣ недѣли въ зеленые луга погулять. Онъ ее и пустилъ. Она ему дала волосъ изъ своей гривы. — Какъ говоритъ, двѣ недѣли пройдетъ, ты тотъ волосъ рвать-не рви, а потяни на тугу, я къ тебѣ прибѣгу. — Ушолъ тотъ жеребенокъ. Прошло двѣ недѣли, онъ потянулъ тотъ волосъ, она и бѣжитъ къ нему съ двумя жеребцами. — Ну теперь, говоритъ, я могу ѣздить подъ тобой. Онъ сѣлъ на нее и поѣхалъ, жеребцы за нимъ пошли.

Пріѣзжаетъ къ змѣиному дому, взялъ свою богатыршу и сѣли они на жеребцовъ, а кобыла за ними въ простыхъ не отстаётъ. Змѣй прилетаетъ — нѣту богатырши. Сѣлъ на своего коня и взвился кверху, все ихъ не видать и полетѣлъ еще выше. Иванушка-шутничокъ спустился сверху и ссѣкъ ему голову и поѣхали они домой. Пріѣзжаютъ они домой — стали жить, да поживать, добра наживать, а худо про-
живать.